

Всегда от первого лица

Культура. — 1999. — 18-24 февр. — с. 10 Оперный Атлант

В роли Отелло

19 февраля Владимиру Атлантову исполняется 60. Немногим более десяти лет назад он покинул страну и Большой театр. Переселился в Вену, превратившись из народного артиста и солиста Большого театра в камерзингера Венской оперы, путешественника-гастролера, выступающего в лучших театрах Западной Европы и Америки, русскую звезду, вечного иностранца. Сегодня оперная карьера Атлантова завершена. Выбрав роль эмигранта, Атлантов с горьким упорством играет ее, не питая никаких иллюзий, не совершая попыток оглянуться назад, избегая хотя бы кратковременного возвращения в Россию...

Ему очень рано стали пророчить легендарную карьеру. "В ответ" на многочисленных вокальных конкурсах он являл в своем пении то редкое сочетание свободы, мощи и красоты, по которому великие оперные голоса определяются безошибочно. Он не уставал побеждать и оправдывать самые невероятные надежды. В 27 лет спел Германа, в 30 — Отелло.

Выпускник Ленинградской консерватории, Атлантов совершенствовал свое мастерство в Италии. Возможно, именно оттуда вывез он свою роскошную кантилену, свое пиано, пианиссимо, почти по-женски нежное, свое знаменитое форте, которое критики сравнивали с трубным гласом.

В годы абсолютного вокального счастья (которое зафиксировали записи и которых, следовательно, и сегодня мы можем разделить с певцом), Атлантов обла-

дал поистине вдохновенными верхними нотами. Бывали минуты, когда подлинная власть над поднебесными вершинами собственного голоса становилась у Атлантова метафорой свободного движения души.

Все, что он делал на сцене, всегда было "всерьез" и всегда от первого лица. Ни "остранение", модное прежде, ни стилизация, модная теперь, не были ему ведомы. Всякий раз, когда он выходил на сцену, оживало почти утраченное ощущение старинного оперного театра, некогда позволившее теоретикам искать родину оперы не в Италии, а в Древней Греции, в эпоху представления античных трагедий.

Высокая трагическая патетика была присуща всем оперным образам Атлантова. И даже романсы он пел всегда по-оперному патетично. Однако ничего архаичного в таком исполнении не было, ибо корни патетики Атлантова — не в прошлом, а в настоящем, не история, а современность вдохновляла певца.

Атлантов — певец экстремального. Его музу привлекали огненная страсть, испепеляющая ревность, волевая и мучительная любовь. Высшие точки состояний человеческой души. Такой рефлексирующий Отелло и порывистый, не ведающий рефлексии Герман могли явиться в оперном театре только в конце XX века. Жизнь героев Атлантова знает только одно, прямое, как полет стрелы, движение — снизу вверх, и одно, по сути, чувство — с порога надежды в бездну.

Об "актерском комплексе" Атлантова говорили сразу же, с первых его шагов на оперной сцене. Это понятие, введенное находчивыми критиками, должно было вобрать в себя все: и удивительный тембр голоса, и счастливую сценическую внешность, и драматический талант. По сути же, все превосходные степени значили только одно: в лице Атлантова на оперной сцене неожиданно сбывалась мечта об идеальном романтическом герое.

Страсть и горячность были его оружием. Ими, как мечом и щитом, вооружал он своих оперных героев. А они и вправду нуждались в защите. Время было не на их стороне.

Этому Хозе и этому Каварадосси суждено было появиться на сцене, когда актуальность романтических сюжетов была, казалось, полностью исчерпана. Атлантова, сознательно не включавшего в свой репертуар опер, написанных в постсоветскую эпоху, можно было бы назвать заложником собственной темы, нечаянно разминувшимся с ней во времени, если бы он сам, хотя бы на мгновение, поверил в свой высокий жребий. Но современность диктовала иное мироощущение.

Романтический герой, не позиционирующий свое предназначение, относящийся к своему призванию, как к ремеслу, каждый день на сцене и за сценой встречающийся с неромантическими коллизиями и приговоренный к борьбе, — таков был новый подтекст старых сюжетов. Потому традиционная оперная фабула — герой, прини-

мая вызов судьбы и начиная бороться за себя, неожиданно вступает в борьбу с самим собой — становилась в искусстве Атлантова необычно значительной.

В репертуаре Атлантова около сорока оперных партий, но он не спел многого, что было, кажется, специально написано для его голоса. Не по своей вине. Новых опер, спетых Атлантовым за рубежами нашей страны и оставшихся за пределами нашей осведомленности, довольно мало. Однако "Самсон и Далила" Сен-Санса, "Плащ" Пуччини, "Бал-маскарад" Верди с Атлантовым — загадки для нас. Незвестно, подтвердили бы эти роли наше представление о том, что в своих спектаклях Атлантов вел постоянный диалог. Сначала — с Большим театром, потом — со всем миром, на самом деле — со своим временем. И, возможно, кроме житейских мотивов, в его уходе из Большого театра и исчезновении из нашего поля зрения сильнее других сказалось мотив романтический — нежелание признать это время своим и предположенные обстоятельства — подлинными.

Ирина КОТКИНА

P.S. Академия при Мариинке, в которой обучаются молодые певцы, получила согласие Атлантова провести в Питере свои мастер-классы. Конечно же, его ждут ученики. Атлантову только кажется, что он забыт. На самом деле он оставил свою оперную судьбу здесь, и наверняка ему предстоит убедиться в том, что мы помним об этом.